

ЛИТЕРАТУРА КАК СОЛНЕЧНАЯ СОБОРНОСТЬ

Елена КРЮКОВА

Лолa Звонарёва — весомое, яркое, звёздное имя в череде имён литераторов конца XX — первой четверти XXI века. Уникальность Лолы Уткировны симфонична, полифонична, многопластова, многопланова. Она — несомненный художник в современном литературоведении, внимательный наблюдатель значимых литературных процессов; она открывает читающей России новые имена и обращает наше внимание на новинки давно любимых, известных авторов, не забывая проследить их творческий путь.

Лолa Уткировна Звонарёва — кандидат филологических и доктор исторических наук, глубокий исследователь современных культурных процессов, профессор кафедры цивилизационной журналистики УМЦ им. В.В. Жириновского, академик РАЕН и Петровской Академии наук и искусств, член редколлегии альманаха «Рукопись» и, кроме всего вышеперечисленного, она великолепный издатель — под её руководством выходят журналы «Литературные знакомства» и «Серебряные сверчки».

Одна из новых книг Лолы Звонарёвой носит символическое и образно-объёмное название: **«На берегу словесной реки»**. Это непростая метафора. Все мы плывём по реке Времени. Река, движущаяся непрерывно, текущая вода — простая, древняя и сильная метафорика говорит нам о том, что в реку Слова, так же, как и в реку Времени, нельзя вступить дважды (помним вечное Гераклитово «Панта реи» — «Всё течёт...»). Все мы стремимся в этом бесконечном, беспредельном, единственном плавании петь своим, неповторимым голосом, высказываться о современниках, которые особо дороги нам, о тех, кто произвёл на нас мощное культурное впечатление. А за царским штандартом этой крепкой метафоры — необычный и масштабный сборник, и у него есть подзаголовок: **«Статьи, рецензии, беседы»**.

И, открывая книгу, мы сталкиваемся со свободным авторским владением Временем: в сборнике — мысль широкого полёта, красота подмеченных точно и красочно деталей и подробностей того или иного писательского стиля, образной системы, сюжетных поворотов, ориентация на бесспорную цельность писательского мышления. Лолa Звонарёва

проводит смелые параллели между временем русского Серебряного века — эпохи, для нынешнего человека культуры весьма таинственной, притягательной, одновременно и трагической, и изящно-сильной, обладающей неповторимой эстетикой; то легендарное время явилось своеобразным родоначальником и первого русского авангарда, и многих литературных течений, и авторских достижений позднейшей культурной истории. Остановливаясь на знаменитых, классических для истории русской литературы именах, Лола Уткировна ставит акценты на творчестве тех писателей, что воистину подарили зерно вдохновения тем, кто пришёл в русскую литературу через много лет. Такой исторический мыслительный охват, взгляд «с птичьего полёта» на русскую литературу XX столетия, при том, что из поля зрения не выпускаются важные смысловые штрихи, — дорогого стоит; и Лола Звонарёва в статьях не просто рисует портрет (и локальные писательские портреты...) русского Серебряного века, но протягивает серебряные, драгоценные духовные нити к творческим достижениям литераторов наших дней.

В разделе книги «Серебряный век в диалоге с миром» автор смело высказывается о феномене взаимодействия эпохи начала XX века в русской культуре и культурных особенностей наших дней; по сути, прослеживает обратную связь «Серебряный век — наше время»; более ста лет пролегло между этими знаковыми временами, и часто, не осознавая того, мы чувственно, интуитивно, образно-метафорично соотносим себя с художниками (краски, музыки, слова), что творили сто лет назад. Что такое столетие для мощного здания многоликой истории, многопластовой культуры огромной страны? Однако именно эта переключка культур, этот ассоциативный и исследовательский путь может быть световым, символическим вектором, чьё направление будет весьма плодотворно для культурной современности, для творческого бытия сегодняшнего писателя. Лола Звонарёва следит и за появлением самого этого, уже привычного нам термина-символа, ярко-звёздного вербального знака, смыслового магнита, которым мы уже долгие десятилетия обозначаем эту конкретную, эстетически притягательную эпоху русской культуры:

«Американский литературовед голландского происхождения Омри Ронен в книге «Серебряный

век как умысел и вымысел» разоблачил миф о том, что термин «Серебряный век» первым употребил Н.А. Бердяев, в книгах которого упоминается лишь Русский Ренессанс. Ронен доказал: этот термин ввели поэт Н.А. Оцуп в 1933 году и Владимир Вейдле (в эссе 1937 года «Три России»), заимствовав его из статьи-памфлета «Взгляд и Нечто» 1925 года Р.В. Иванова-Разумника. Из поэтов его первыми использовали Анна Ахматова в «Поэме без героя» (1945) и Марина Цветаева в новелле «Чорт», опубликованной в 1935 году в журнале «Современные записки». Точку зрения Омри Ронена разделил Вячеслав Всеволодович Иванов, также считающий: выражение «Серебряный век» приобрело огромную популярность в литературоведении и в художественной критике конца 50-х — начале 60-х годов прошлого века сперва за пределами СССР, в эмиграции и среди зарубежных русистов, а потом и на Родине. (...)» («Юрий Кузнецов и миф о Серебряном веке»).

Русская эмиграция первой волны и соцветие имён мировых писателей, времена гонений на культуру и духовность и времена так называемой советской «оттепели», трансформация положений эстетики Серебряного века, уже ставшего классической культурологической легендой, внутри творчества современных писателей, художников и композиторов — предмет серьёзных раздумий автора, предъявляющего нынешнему дню давно забытые культурные связи.

* * *

А географическая литературная панорама в исполнении Лолы Звонарёвой впечатляет!

Читая книгу, понимаешь, сколь велика наша культурная Россия, наш творческий материк, и как протягивают друг другу руки понимания, любви, духовной переключки писатели с отрогов Саян и с берегов Балтийского моря, с Беломорья, где разворачивается чудесный веер Северного Сияния, с горделивых вершин Дагестана, с лесистых круч и синих плёсов матушки-Волги. Так тонко, деликатно и радостно подчеркивается неоспоримая культурная, духовная мощь России, выказывается восхищение разнообразием и богатством её творческого хора.

Уместно вспомнить тут бессмертные строки Осипа Мандельштама:

*В разноголосице девического хора
Все церкви нежные поют на голос свой...*

Перефразируя эти слова, можно сказать: в разноголосице писательского, литературного хора у каждого — свой звучный голос, архитектоника своего оригинального мира; каждый писатель малюет на огромной, гигантской стене всеобщей жизни собственную многофигурную фреску, и Лола Уткировна литературоведческими, исследовательскими средствами подчеркивает её своеобразие, выявляет её характерные приметы, вытаскивает из фонового тумана, из смутного исторического гула главные, лейтмотивные её фигуры.

Однако композиция книги незаметно расширяется, и это нельзя не отметить. Все мы помним живоносную формулу о «цветущей сложности культуры» русского философа Константина Леонтьева (*«Эстетика жизни (...) поэзия действительности невозможна без того разнообразия положений и чувств, которое развивается благодаря неравенству и борьбе...»* — К.Н. Леонтьев. «Два графа: Алексей Вронский и Лев Толстой», 1888). Мы помним, на каком поле интернационализма расцвела культура народов, составлявших основу и опору Советского Союза. Союз — святое слово. И внутренне, духовно, сердечно эта парадигма — союз, единство, соединение — никуда не делась. Совокупность, взаимопроникновение, связь культур многих народов создают уникальность, богатство, смысловой спектр той самой «цветущей сложности», о которой говорит К.Н. Леонтьев. Автор книги всячески подчёркивает этот феномен — исследованиями, размышлениями, философским созерцанием творческих достижений писателей, что живут и творят сейчас в бывших союзных республиках, ставших суверенными странами. И мы можем прикоснуться мыслью к творческому состоянию, к культурной атмосфере братских народов, понять, куда они идут, куда ведёт их вечно текущая вперёд и вдаль река Времени и река родного Слова; и мы видим, через призму авторского рассмотрения, что художник Слова при этом потерял, а что приобрёл. Какова цена геополитической свободы, равна ли она свободе духовной; какой путь выбрать пишущему человеку внутри нашего непростого, напряжённого времени...

Автор свободно сопрягает эпохи. Лола Звонарёва работает в книге с феноменом всесвязующей истории и неразгаданным, вечно-таинственным феноменом Времени. Поэтому её пристальное внимание привлекают произведения современных писателей, в которых явлено родство эпох, где уникальность времён рельефно соотносима с уникальностью личностей, внутри неё живущих:

«Итак, в романе «Звезда и крест» (писателя Дмитрия Лиханова. — Е. К.) искусно сопрягаются два исторических пласта и два главных героя: потомственный офицер Александр, которому суждено повторить подвиг Алексея Маресьева и вернуться к штурвалу самолёта, лишившись обеих ног, окончить академию и получить звезду Героя Советского Союза, а затем отказаться от хорошо оплачиваемого чиновничьего прозябанья в столице и уйти восстанавливать разорённый монастырь в глухую поморскую деревню, и могущественный чародей-язычник Киприан, переживающий мощное духовное перерождение и становящийся священно-мучеником, отдавшим жизнь за Христа.

Прозаик поставил перед собой сложнейшую задачу показать сразу несколько составляющих окружающего героев пёстрого, многослойного мира: реальную, событийную, мистическую, колдовскую и смысловую, философскую.

И Дмитрий Лиханов справляется с нею, создавая уникальный сплав нескольких жанров военной повести, жития и историко-этнографического повествования, искусно проводя читателя по нескольким историческим эпохам, погружая его в разные культуры и талантливо воссоздавая в образной форме, в правдивых и точных деталях, касающихся разных областей реальной жизни (будь то медицина, охотничье мастерство или новейшее оружие). (...)» (**«Дмитрий Лиханов: крестный путь из грешников в святые»**).

Автор обращает наше внимание на связь традиционного сакрального, храмового русского Логоса с современной словесной структурой, с конкретной писательской работой. На примерах (фрагментах) текстов самых значимых, «опорных» писателей XXI века, в частности, прозаика Павла Кренёва, Лола Уткировна демонстрирует нам вечную жизнь Православной молитвы, вечное её тепло, идущее от сердца к сердцу, благодать слёз, веры и надежды, обращение человека к Богу, полное неизбывной любви: *«Главный герой*

повести «Огневой рубеж пулемётчика Батагова» П. Кренёва сорокалетний пулемётчик Силантий (...) начинает вспоминать молитвы в трагическую минуту перед неминуемой гибелью: «Он встал на колени, устремил лицо к небу, словно старался увидеть там, в синей дали, Того, кого бросил и забыл когда-то в юности. И стал неумело, коряво и бестолково водружать на себя крестное знамение, стал молиться. Он давно перезабыл все молитвы, которые произносили его родители, которым учила его бабушка, которые и он лепетал когда-то, почти сорок лет назад. Сейчас он, упёршись глазами в небо, посылал ему слова своей молитвы: «Батюшко Господь и Ты, матушка Богородица, простите вы меня, Христа ради, бестолкового придурка. Запутался я перед вами. Глупый я, вот и всё. Только вы простите меня...». (...)

Вызванную семейными проблемами молитву произносит и героиня повести Кренёва «Поздней осенью, на Казанскую» Парасья. Писатель подчёркивает — молитва поморской старушки — плод её душевных мук: «Молитва выплеталась из души её и потому была проста: «Боже, всеблагий и всемилостливый! Всех сохраняй своею милостию и человеколюбием, и меня тоже. Вот я приползла к Тебе опеть, старушка бестолкова. Ума своего нету, дак хочу у Тебя занеть, Боженька любименькой. Дай Ты мне, голубеюшко, прошабаршить на белом-то Твоём свете хоть бы один сегодней денёчик, да порадеть миру, да людям. (...)»

Писатель использует молитву-монолог-исповедь как возможность ввести читателя в клубок неразрешимых семейных проблем.

Такую же страстную молитву шепчет старик Нестор, герой новеллы П. Кренёва «Художник», рисовавший всю жизнь, но так и не написавший ни одной иконы, его предсмертное обращение к Господу кажется ему «бестолковым и нелепым»: «Боже праведный... прости ты меня Христа ради. Глупой я мужик, всю жись глупой, дурак, дак дурак и есь! Лез куды-то, а куды и непонятно таперича. Всё без Тебя, дак некуды и не вылез. Всю-ту жись Тебя не знал, шаляк форменной. Не нарисовал Тебя ни разу, дурак! А чечас вижу Тебя, когда смёртушка за мной пришла. (...) Приду, дак не гони, Христе Боже! Прояви таку милось. Хочу рядом с Тобой жить!» (**«Роль и место молитвенного обращения в прозе писателей среднего поколения»**). Статья печаталась в журнале «Север».

* * *

Есть у Лолы Уткировны одна неизбывная любовь — Франция, а во Франции — человек-уникум, что объединил, посредством непрерывных благих деяний, две мощнейшие культуры, две страны-сестры — Россию и Францию. Мы говорим о Ренэ Герра. Ренэ Юлианович — именно так он просит его называть; Лола Звонарёва несколько лет назад написала энциклопедически насыщенную, философски-богатую книгу об этой неповторимой европейской личности — «Серебряный век Ренэ Герра», и перед читающей Россией предстал, в полный рост, портрет знаменитого современного литературоведа, культуролога, коллекционера русского искусства, исследователя истории русской эмиграции во Франции, профессора Сорбонны и университета в Ницце, великого знатока русской литературы, живописи, музыки. Благодаря Лоле Уткировне с деятельностью Ренэ Герра знакомятся многие люди у нас в стране; а имя Ренэ Юлиановича уже стало неразрывно связано с именем литературоведа, профессора, писателя Лолы Звонарёвой.

И в книге «На берегу словесной реки» встречаем статью, где не только упомянуто имя Ренэ Герра, но и рассмотрена его многогранная издательская деятельность во славу Русской культуры. Разве такая память, такое уважение к культурному подвижничеству не есть залог вечной жизни? Пока мы помним — живы наши славные предки. Пока нас помнят — живы мы.

Ренэ Герра посвятил себя не только собиранию, коллекционированию артефактов русской культуры в эмиграции, но и изданию книг русских авторов — представителей духовенства, поэтов, художников, прозаиков, вокалистов, актёров, мемуаристов, историков. Одно перечисление имён и названий книг впечатляет — даже в выбранном фрагменте статьи:

«В эмиграции архиепископ Иоанн Шаховской написал книги «Время веры» (Нью-Йорк, издательство имени Чехова, 1954), «Биография юности» (Париж, УМКAPRESS, 1977), «Вера и достоверность» (Париж, 1982), «Письма о вечном и временном» (Нью-Йорк, 1960), «Листья древа. Опыт православного духоведения» (Нью-Йорк, 1964), «Книга свидетельств» (Нью-Йорк, 1965), «Московский разговор о бессмертии» (Нью-Йорк, 1972), «К истории русской интеллигенции» (Нью-Йорк, 1975), сборник стихов

«Удивительная земля» (Калифорния, 1983). Все эти книги есть в библиотеке Герра. В 1982 году в издательстве «Альбатрос» были опубликованы воспоминания певицы А. Давыдовой. В 1983 году с издательской маркой «Альбатрос» появилась книга стихов С. Рафальского «Запертой».

Поэтесса, прозаик, литературный критик, мемуаристка Таубер успела порадоваться двум сборникам стихов, выпущенным стараниями её бывшего ученика Герра. В 1983 году в издательстве «Альбатрос» он опубликовал её последнюю книгу «Верность», в оформлении стремясь следовать традициям книжной графики Серебряного века, стилю, выработанному мирискусниками, Мстиславом Добужинским и его коллегами. Изящно, деликатно-лаконично книгу оформил продолжавший постоянно сотрудничать в издательстве «Альбатрос» художник Сергей Голлербах. В 1984 году под маркой «Альбатрос» вышли три книги: это были сборники стихов Таубер «Верность» и первая в жизни книга талантливого поэта Бориса Заковича «Дождь идёт над Сеной» и сборник прозы С. Рафальского «Николин бор». В 1986 году под этой маркой Герра удалось издать только одну книгу прозы С. Мамонтова «Сказание». Историк русской зарубежной литературы Ю.К. Терапиано (1892–1980), хорошо помнивший блистательный русский литературный Париж довоенной поры, передал Герра свою библиотеку и архив. Это позволило французскому слависту в 1987 году составить и издать его книгу очерков «Литературная жизнь русского Парижа за полвека (1924–1974)», наполнив её инскриптами и иллюстрациями. (...)» (**«Русско-французский проект «Альбатрос» как актуализация издательских традиций Серебряного века»**).

* * *

Достойна восхищения множественность культурных векторов, при помощи которых Лоле Звонарёвой удаётся так полно представить не только картину литературной жизни России, Казахстана, Белоруссии, стран Европы, но и провести целый ряд жанровых литературоведческих изысканий и сопоставлений. «Единое во множественном, и множественное в едином» — гласит древняя буддийская мудрость («Алмазная сутра»). Лола Уткировна, надо это подчеркнуть, обладает великолепным образным, метафорическим, а также богатым

ассоциативным мышлением, и это даёт ей право на необычные сравнения, на обнаружение неожиданных ассоциаций и параллелей, на смелые сопоставления, на акценты, что расставляются ею на обширном поле стилистики рассматриваемого автора, на исследование его философских посылов, на обнаружение его открытий в вербальной области. Это есть живое наблюдение поэзии, которая, конечно же, присутствует и в прозе, и в народной сказке (да и во всём фольклоре), в пьесах, в журналистских жанрах, да и в любых поистине творческих текстах.

Литература — искусство, без которого ничто в мире не может существовать; Слово, великий Логос — та материя, что, по Евангелию от Иоанна, самому духовному и самому философски-утонченному из канонического Четвероевангелия, и есть Бог.

В статье о донском поэте Игоре Елисееве Лола Уткировна цитирует нашего русского философа Ивана Ильина, что ёмко и светло сказал о самой сути, о глубинных смыслах русской поэзии как явления отображения Вселенски огромного внутреннего мира творческой личности: «И.А. Ильин уверен: »...поэзия пленяет душу гармонией и ритмом, учит «духовному восторгу» ... Русские поэты были не только созерцателями природы и быта: они видели историю России, её пути и судьбы, её опасности, соблазны и крушения, её призвание, предназначение и смысл её бытия. Русская поэзия... есть голос самой России. (...)» (**«Игорь Елисеев: стоящий на плечах гигантов»**).

Литературоведческий стиль Лолы Звонарёвой — пример свободного дыхания фразы, полётности мысли, эмоциональности искреннего, непосредственного высказывания. Да, одна из особенностей, «изюминок» этого стиля — искренность, тёплая, открытая интонация. Автор выходит с читателем на сердечный и откровенный диалог, на формат доверительной неспешной беседы. Лола Уткировна пишет о том, что знает, любит, что произвело на неё неизгладимое впечатление. Велик океан современной литературы! И в нём есть умелый, профессиональный лоцман — Лола Звонарёва. Литературоведческий «корабль» автора уверенно плывёт в безбрежном океане: Лола Звонарёва не только исследует классику русской литературы, но и открывает нам новые литературные имена. И те, с кем мы недавно знакомились по первым публикациям в журнале «Серебряные сверчки», стано-

вятся молодыми русскими писателями, радостно и сияюще заявляя о себе, выпуская в свет книги, которые, возможно, мы давно уже ждали.

В послесловии к книге писатель Владислав Бахревский удачно и точно очерчивает духовный портрет Лолы Звонарёвой, и это высказывание литератора-соратника заставляет читателя задуматься о значимости пути через жизнь, о предназначении судьбы:

«Лола Звонарёва вроде бы не воин. Не объявляет себя защитником русского языка и письменности. Делает своё частное дело, собирает писателей для дружеского творческого общения. В этих встречах и поездках открываешь ты, открывают тебя. Писателей Лола собирает со всей страны: Урал, Сибирь, Дальний Восток. И ещё со всей планеты Земля. (...)» («Владислав Бахревский: люди нашего времени»).

Разумеется, книга, о которой мы говорим, есть крупная, многонаселённая фреска, где перед нами предстают действующие лица целой исторической эпохи, и как прекрасно, что эта книга родилась на свет на исходе первой четверти XXI века, знаменуя и завершение некоего большого культурного пути, пройденного Россией и народами, что в ней живут и её извне окружают; по сути, это книга рассмотра Мирового литературного бытия, мировой культурной процессуальности, и главные её признаки — настоящесть, а не симуляция и симулякры, искренность, а не лживый пафос, красота, а не красивость, вера, а не безверие. Лола Звонарёва утверждает правду, подлинность, фундаментальность русской культуры, и по прочтении становится понятно, что эта книга — собрание духовных ценностей не только эстетических, но и этических.

Лола Звонарёва выходит на проблемы жизнеспособности ЭТОСА русского этноса — и, в ансамбле представленных в книге тематик и мыслеобразов, говорит нам об этических сокровищах и Родины, и иных земель, иных народов и иных стран. И здесь на первый план, как в музыке, в могучей симфонии, выходит тема любви и соборности.

Соборность — русская Православная идея, Божий признак Вселенской любви (об этом говорил философ Владимир Соловьёв в работе «Россия и Вселенская Церковь»), творческая идеология всех больших русских художников, которые искали отзвук, отклик на эту родную каждому русскому че-

ловеку идею в творческих началах, путях, открытиях, личностных достижениях писателей других народов, других наций.

И здесь, в этой огненной духовной точке, смыслы книги Лолы Звонарёвой «На берегу словесной реки» переходят грань собственно литературоведения и становятся несомненным истоком и материалом настоящих и будущих философских раздумий о судьбе художника в России, о движении крупных литературных событий, об объёмной панораме бессмертной русской культуры.

**Лола Звонарёва.
На берегу словесной реки.
Статьи, рецензии, беседы.
Москва,
ACADEMIA, 2025**